

— Кстати, — Шэнь Цинчэн встала и, словно между делом, добавила:

— Заходя в дом, не забывай убирать обувь в шкаф.

Неужели это нужно проговаривать? Эта девушка, кажется, любит поучать! Гу Чэнси так и взорвалась от злости.

— Конечно, я сама уберу!

Шэнь Цинчэн повернулась к ней.

— Твою обувь только что убрала я.

Гу Чэнси: ...

Чёрт, она вспомнила, что, заходя в квартиру, так увлеклась телефоном, что действительно забыла убрать обувь. Радость от недавней победы мгновенно испарилась. Неужели Шэнь Цинчэн — её злой рок?

Раз уж они договорились не лезть в дела друг друга, Гу Чэнси не стала затягивать противостояние. Она отступила в свою комнату, прикрыла дверь, достала недополученную «Прогулку в белых ночах», надела наушники и погрузилась в чтение.

Когда Гу Чэнси была маленькой, Гу Чэнлинь и Цзян Сюэцин как-то особенно сильно загрузились на работе, и им стало не до дочери. Тогда они отправили её к бабушке в уезд Линьдун.

Дед был учителем китайского языка на пенсии. В его доме два огромных книжных шкафа занимали целую стену, и они были забиты книгами под завязку. Эта стена с книгами стала для маленькой Гу Чэнси волшебным шкафом: стоило запустить руку на полку, и можно было встретить королеву, замораживающую всё одним взмахом руки, говорящего кролика или юношу, томимого первой любовью.

Хотя она не знала многих иероглифов, это ничуть не охлаждало её пыла. Она читала все романы, до которых могла дотянуться, понимая их как придётся. И до сих пор чтение художественной литературы оставалось её любимым способом убить время. Вот только была у неё одна слабость — она слишком глубоко погружалась в сюжет. Однажды, читая «Страдания юного Вертера», она так распереживалась, что уселась на пол и разревелась, размазав слёзы по всему лицу, а её маленькое тельце сотрясали рыдания. Дед, услышав плач, прибежал и поднял её. Она ткнула коротким пальчиком в грудь и, всхлипывая, проговорила: «Тут больно».

Тогда ей было девять лет, и она училась в третьем классе.

Дед рассказал эту историю сыну с невесткой, и с тех пор она стала семейным анекдотом, который Гу Чэнлинь и Цзян Сюэцин частенько вспоминали, чтобы подшутить над дочерью. Лишь последние пару лет, когда девочка превратилась в девушку и стала легко вспыхивать от стыда, шутки поутихли. Хотя анекдот уже не вспоминали, привычка слишком глубоко проживать книжные истории никуда не делась. Она по-прежнему могла расплакаться над страницами, просто с возрастом научилась прятаться от родителей. Теперь же, запершись в своей комнате, она получила личное пространство, где не нужно было скрывать эмоции, и потому целиком отдалась захватывающему сюжету. Не прошло и часа, как её глаза снова покраснели...

Время летело незаметно, и когда она, дочитав до конца, отложила телефон, было уже без четверти пять. Подняв глаза, она в зеркале увидела свои заплаканные глаза и вспомнила, что в квартире есть ещё один человек. На душе стало неловко. Она украдкой осмотрелась и обнаружила, что Шэнь Цинчэн куда-то вышла. Тайно вздохнув с облегчением, она наконец вспомнила, что ещё не обедала, и живот уже предательски заурчал.

Выйти на люди с красными глазами она не могла, поэтому решила заказать доставку. Они жили в общежитии для преподавателей Педагогического университета, и прямо внизу была торговая улица с множеством маленьких забегаловок. Она достала телефон, наугад выбрала ближайшую лапшичную и заказала миску супа с лапшой и говядиной. В приложении значилось, что доставка займёт минут пятнадцать.

Вскоре прозвенел дверной звонок. Гу Чэнси открыла дверь и увидела на пороге худенькую фигурку в мешковатой футболке, держащую в руке полиэтиленовый пакет и сверяющую номер квартиры с чеком.

— Ван Синьюэ? Это ты?

— Гу... Гу Чэнси?

Ван Синьюэ от волнения начала заикаться, её лицо залилось краской, а голос стал едва слышным.

— Я... принесла заказ...

Гу Чэнси приняла пакет.

— Ты разносишь еду?

Ван Синьюэ покраснела так, будто у неё поднялась температура. Её глаза метались, не зная, куда смотреть, а руки беспомощно теребили друг друга.

— Это... это заведение моей тётки... Я живу у неё и в свободное время помогаю в лавке...

Гу Чэнси слишком хорошо знала такое выражение лица.

В её классе в средней школе тоже были такие девочки. Из-за небогатой семьи над ними насмехались, и они жили, словно невидимки, стараясь ничем не выделяться. Но чем скромнее был человек, тем чаще его обижали — любая вещь или случайное слово могли стать поводом для издевательств мальчишек или насмешек девчонок. На их лицах часто застывало именно это выражение — выражение человека, чья гордость испытывает пытку.

Гу Чэнси, не желая смущать её ещё больше, нарочито бодро сказала:

— Вау, какая ты трудолюбивая! — И приоткрыла дверь пошире. — Заходи, посидишь немного.

Лицо Ван Синьюэ снова вспыхнуло. Она замахала руками.

— Нет-нет, в лавке ещё дел... — Она робко взглянула на Гу Чэнси и, собравшись с духом, добавила:

— За сегодня в классе... спасибо!

Гу Чэнси махнула рукой, делая вид, что это ерунда.

— Да ничего, не обращай на них внимания. Я считаю, умение вести хозяйство — это круто. Моя мама постоянно твердит, что я даже яичницу могу сжечь, и в итоге умру с голоду. Ты уж хотя бы голодной не останешься... — Она вдруг замолчала, увидев, как из лифта вышла Шэнь Цинчэн с двумя большими пакетами. Она не ожидала, что та вернётся именно сейчас, и слова застряли у неё в горле.

В результате Шэнь Цинчэн, подняв голову, увидела следующую картину: Гу Чэнси с красными глазами стоит в дверном проёме, а напротив неё... Ван Синьюэ!

Что происходит?

Брови Шэнь Цинчэн слегка сдвинулись.

Ван Синьюэ почувствовала неладное, обернулась и, увидев Шэнь Цинчэн, очень удивилась.

Холодный и робкий голоса прозвучали одновременно, и в обоих слышалось недоумение.

Ван Синьюэ:

— Шэнь Цинчэн?

Шэнь Цинчэн:

— Ван Синьюэ?

Гу Чэнси: ...

Все трое замерли.

Первой опомнилась Ван Синьюэ. Не дожидаясь, пока они придут в себя, она поспешно помахала рукой.

— Мне пора! — Затем быстро развернулась и, даже не дождавшись лифта, помчалась вниз по пожарной лестнице, словно перепуганный кролик.

Шэнь Цинчэн проводила её несколько озадаченным взглядом.

— В чём дело? Вы знакомы? — спросила она.

Гу Чэнси поняла, что вопрос не о сегодняшнем знакомстве, а о том, были ли они знакомы раньше, и поспешила объяснить:

— Нет, я заказала еду, она принесла заказ.

— А, — лицо Шэнь Цинчэн снова стало бесстрастным. Она скользнула взглядом по глазам Гу Чэнси, ничего не добавила и, опустив голову, прошла в квартиру.

Гу Чэнси последовала за ней, поставила пакет с едой на обеденный стол в гостиной и открыла крышку контейнера. Тут она вспомнила, что Ван Синьюэ только что видела её вместе с Шэнь Цинчэн, и её охватила лёгкая паника. Неужели Ван Синьюэ проболтается другим одноклассникам? Та не выглядела болтушкой, но Гу Чэнси всё равно волновалась. Контакт с Ван Синьюэ у неё не было, поэтому, немного подумав, она решила позвонить в лавку и попросить её сохранить всё в тайне.

Телефон ответил почти сразу. Ван Синьюэ только что вбежала внутрь, запыхавшись от бега. Услышав её просьбу, она, не задавая лишних вопросов, торжественно пообещала никому не рассказывать. Успокоившись, Гу Чэнси опустила глаза и обнаружила, что лапша в контейнере слишком долго пролежала в бульоне и разбухла, впитав в себя всю жидкость. Гу Чэнси всегда считала, что вся соль суповой лапши — в бульоне, а теперь большая миска с разбухшей лапшой выглядела совершенно неаппетитно. Аппетит у неё пропал. Она подцепила палочками два тонких ломтика говядины с поверхности, съела их и потеряла всякий интерес к еде. Принявшись вяло ковырять лапшу в миске, она стала пересчитывать съеденные strands, в душе сожалея, что не заказала дополнительно маринованное яйцо.

Шэнь Цинчэн на кухне убирала покупки в холодильник. Услышав, как Гу Чэнси звонит Ван Синьюэ из гостиной, она усмехнулась. Видимо, Гу Чэнси и вправду очень хочет провести между ними чёткую границу.

Закончив, она вышла из кухни и увидела, как Гу Чэнси без всякого энтузиазма «пересчитывает лапшу». Вспомнив, что слышала у двери, Шэнь Цинчэн тронула уголок г lips и снова зашла на кухню. Через мгновение она вышла с тарелкой в руках, молча поставила её на стол, развернулась, прошла в свою комнату и прикрыла за собой дверь.

На тарелке лежала яичница.

Гу Чэнси удивилась. Это для неё? Она подняла глаза на плотно закрытую дверь Шэнь Цинчэн. Неужели та услышала, как она сказала, что не умеет жарить яйца, и решила её унижить? Какой же невыносимой может быть эта девушка!

<http://bllate.org/book/15948/1425765>